

Иван Александрович
ГОНЧАРОВ

ФРЕГАТ
ПАЛЛАДА

Часть 3

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г65

Гончаров И. А.

Г65 Фрегат Паллада. Часть 3 / И. А. Гончаров. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 380 с. —
(ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

ISBN 978-5-521-77183-7

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «великие путешествия» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС WTL
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77183-7

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

I ЛИКЕЙСКИЕ ОСТРОВА

*Вид берега. — Бо-Тсунг. — Базиль Галль. —
Идиллия. — Дорога в столицу. — Столица Чуди. —
Каменные работы. — Пейзажи. — Жители, дома
и храмы. — Поля. — Королевский замок. —
Зависимость островов. — Протестантский
миссионер. — Другая сторона идиллии. — Напа-
Киян. — Жилище миссионера. — Напакиянский
губернатор. — Корабль с китайскими эмигрантами. —
Прогулки и отплытие.*

*Порт Напа-Киян,
с 31-го января по 9-е февраля 1854 г.*

Я всё время поминал вас, мой задумчивый артист: войдешь, бывало, утром к вам в мастерскую, откроешь вас где-нибудь за рамками, перед полотном, подкрадешься так, что вы, углубившись в вашу творческую мечту, не заметите, и смотришь, как вы набрасываете очерк, сначала легкий, бледный, туман-

ный; всё мешается в одном свете: деревья с водой, земля с небом... Придешь потом через несколько дней — и эти бледные очерки обратились уже в определительные образы: берега дышат жизнью, всё ярко и ясно...

В таких же бледных очертаниях, как ваши эскизы, явились сначала мне Ликейские острова. Масса земли, не то синей, не то серой, местами лежала горбатой кучкой, местами полосой тянулась по горизонту. Нас отделяли от берега пять-шесть миль и гряда коралловых рифов. Об эту каменную стену яростно била вода, и буруны или расстилались далеко гладкой пеленой, или высоко вскакивали и облаками снежной пыли сыпались в стороны. Издали казалось, что из воды вырывались клубы густого белого дыма; а кругом синее-пресинее море, в которое с рифов потоками катился жемчуг да изумруды. Берег темен; но вдруг луч падал на какой-нибудь клочок, покрытый свежим всходом, и как ярко зеленел этот клочок!

Последние два дня дул крепкий, штормовой ветер; наконец он утих и позволил нам зайти за рифы, на рейд. Это было сделано с рассветом; я спал и ничего не видал. Я вышел на палубу, и берег представился мне вдруг, как уже оконченная, полная картина, прихотливо изрезанный красивыми линиями, со всеми своими очаровательными подробностями, в красках, в блеске.

Берег, особенно в сравнении с нагасакским, казался низменным; но зато как он разнообразен! Налево от нас выдающаяся в море часть выветрилась. Там росла скудная трава, из-за которой, как лысина сквозь редкие воло-

сы, проглядывали кораллы, посеревшие от непогод, кое-где кусты да глинистые отмели. Прямо перед нами берега далеко отступили от мели назад, представляя коллекцию пейзажей, один другого лучше. Низменная часть тонет в густых садах; холмы покрыты нивами, точно красивыми разноцветными заплатами; вершины холмов увенчаны кедрами, которые стоят дружными кучками с своими горизонтальными ветвями.

Что за зелень там, в этой куче деревьев? чем засеяны поля? каковы дома?.. Скорей, скорей на берег! Две коралловые серые скалы выступают далеко из берегов и висят над водой; на вершине одной из них видна кровля протестантской церкви, а рядом с ней тяжело залегли в густой траве и кустах каменные массивные глыбы разных форм, цилиндры, полукруги, овалы; издалека примешь их за здания — так велики они. Это памятники кладбища. Далее направо берег опять немного выдался к морю и идет то холмами, то тянется низменной, песчаной отмелью, заливаемой приливом. Вплоть почти под самым берегом идет гряда рифов, через которые скачут буруны; местами высунулись из воды камни; во время отлива они видны, а в прилив прячутся.

Вообще весь рейд усеян мелями и рифами. Беда входить на него без хороших карт! а тут одна только карта и есть порядочная — Бичи. Через час катер наш, чуть-чуть задевая килем за камни обмелевшей при отливе пристани, уперся в глинистый берег. Мы выскочили из шлюпки и очутились в саду не в саду и не в лесу, а в каком-то парке, под непроницаемым сводом отчасти

знакомых и отчасти незнакомых деревьев и кустов. Из наших северных знакомцев было тут немного сосен, а то всё новое, у нас невиданное.

Меня опять поразил, как на Яве и в Сингапуре, сильный, приторный и пряный запах тропических лесов, охватила теплая влажность ароматических испарений. Мимо леса красного дерева и других, которые толпой жмутся к самому берегу, как будто хотят столкнуть друг друга в воду, пошли мы по тропинке к другому большому лесу или саду, манившему издали к себе. Мы прошли по глинистой отмели, мимо ям и врытых туда сосудов для добывания из морской воды соли. За отмелью началась аллея или улица, как хотите, маленькой деревушки Бо-Тсунг.

Возьмите путешествие Базиля Галля (в 1816 г.): он в числе первых посетил Ликейские острова — и взгляните на приложенную к книге картинку, вид острова: это именно тот, где мы пристали. Вы посмеетесь над этим сказочным ландшафтом, над огромными деревьями, спрятавшимися в лесу хижинами, красивым ручейком. Всё это покажется похожим на пейзажи — с деревьями из моху, с стеклянной водой и с бумажными людьми. Но когда увидите оригинал, тогда посмеетесь только бессилию картинки сделать что-нибудь похожее на действительность.

Что это такое Ликейские острова, или, как писали у нас в старых географиях, Лиеу-киеу, или, как иностранцы называют их, Лю-чу (Loo-choo), а по выговору жителей Ду-чу? Разворачиваете того же Галля, думаете

прочесть путешествие — и читаете идиллию. Да, это идиллия, брошенная среди бесконечных вод Тихого океана. Слушайте теперь сказку: дерево к дереву, листок к листку так и прибраны, не спутаны, не смешаны в неумышленном беспорядке, как обыкновенно делает природа. Всё будто размерено, расчищено и красиво расставлено, как на декорации или на картинах Ватто. Читаете, что люди, лошади, быки — здесь карлики, а куры и петухи — великаны; деревья колоссальные, а между ними чуть-чуть журчат серебряные нити ручейков да приятно шумят театральные каскады. Люди добродетельны, питаются овощами и ничего между собою, кроме учтивостей, не говорят; иностранцы ничего, кроме дружбы, ласк да земных поклонов, от них добиться не могут. Живут они патриархально, толпой выходят навстречу путешественникам, берут за руки, ведут в дома и с земными поклонами ставят перед ними избытки своих полей и садов... Что это? где мы? среди древних пастушеских народов в золотом веке? Ужели Феокрит в самом деле прав?

Всё это мне приходило в голову, когда я шел под тенью акаций, миртов и банианов; между ними видны кое-где пальмы. Я заходил в сторону, шевелил в кустах, разводил листья, смотрел на ползучие растения и потом бежал догонять товарищей.

Чем дальше мы шли, тем меньше верилось глазам. Между деревьями, в самом деле как на картинке, жались хжины, окруженные каменным забором из кораллов, сложенных так плотно, что любая пушка задумалась бы

перед этой крепостью, и это только чтоб оградить какую-нибудь хижину. Я заглядывал за забор: миниатюрные дома окружены огородом и маленьким полем. В деревне забор был сплошной; на стене, за стеной росли деревья, из-за них выглядывали цветы. Еще издали завидел я, у ворот стояли, опершись на длинные бамбуковые посохи, жители; между ними, с важной осанкой, с задумчивыми, серьезными лицами, в широких, простых, но чистых халатах с широким поясом, виделись... совестно и сказать «старики», непременно скажешь «старцы», с длинными седыми бородами, с зачесанными кверху и собранными в пучок на маковке волосами. Когда мы подошли поближе, они низко поклонились, преклоняя головы и опуская вниз руки. За них боязливо прятались дети.

«Что это такое? — твердил я, удивляясь всё более и более. — Этак не только Феокриту, поверишь и мадам Дезульер и Геснеру с их Меналками, Хлоями и Дафнами; недостает барашков на ленточках». А тут кстати, как нарочно, наших баранов велено свезти на берег погулять, будто в дополнение к идиллии.

«Куда же мы идем?» — вдруг спросил кто-то из нас, и все мы остановились. «Куда эта дорога?» — спросил я одного жителя по-английски. Он показал на ухо, помотал головой и сделал отрицательный знак. «Пойдемте в столицу, — сказал И. В. Фуругельм, — в Чую, или Чуди (Tshudi, Tshue — по-китайски Шоу-ли, главное место, но жители произносят Шули); до нее час ходьбы по прекрасной дороге, среди живописных пейзажей». — «Пойдемте».

Я любовался тем, что вижу, и дивился не тропической растительности, не теплomu, мягкому и пахучему воздуху — это всё было и в других местах, а этой стройности, прибранности леса, дороги, тропинок, садов, простоте одежда и патриархальному, почтенному виду стариков, строгому и задумчивому выражению их лиц, нежности и застенчивости в чертах молодых; дивился также я этим земляным и каменным работам, стоившим стольких трудов: это муравейник или в самом деле идиллическая страна, отрывок из жизни древних? Здесь как всё родилось, так, кажется, и не менялось целые тысячелетия. Что у других смутное предание, то здесь современность, чистейшая действительность. Здесь еще возможен золотой век.

Лес как сад, как парк царя или вельможи. Везде виден бдительный глаз и заботливая рука человека, которая берет обильную дань с природы, не искажая и не оскорбляя ее величия. Глядя на эти коралловые заборы, вы подумаете, что за ними прячутся такие же крепкие каменные дома, — ничего не бывало: там скромно стоят игрушечные домики, крытые черепицей, или бедные хижины, вроде хлевов, крытые рисовой соломой, о трех стенках из тонкого дерева, заплетенного бамбуком, четвертой стены нет, одна сторона дома открыта, она задвигается, в случае нужды, рамой, заклеенной бумагой, за неимением стекол, — это у зажиточных домов, а у хижин вовсе не задвигается. Мы подошли к красивому, об одной арке, над ручьем, мосту, сложенному плотно и массивно, тоже из коралловых больших камней... Кто учил этих де-

тей природы строить? — невольно спросишь себя, здесь никто не был; каких-нибудь сорок лет назад узнали о их существовании и в первый раз заглянули к ним люди, умеющие строить такие мосты; сами они нигде не были.

Это единственный уцелевший клочок Древнего мира, как изображают его Библия и Гомер. Это не дикари, а народ — пастыри, питающиеся от стад своих, патриархальные люди с полным, развитым понятием о религии, об обязанностях человека, о добродетели. Идите сюда поверять описания библейских и одиссеевских местностей, жилищ, гостеприимства, первобытной тишины и простоты жизни. Вас поразит мысль, что здесь живут, как жили две тысячи лет назад, без перемены. Люди, страсти, дела — всё просто, несложно, первобытно. В природе тоже красота и покой: солнце светит жарко и румяно, воды льются тихо, плоды висят готовые. Книг, пороку и другого подобного разврата нет. Посмотрим, что будет дальше. Ужели новая цивилизация тронет и этот забытый, древний уголок?

Тронет, и уж тронула. Американцы, или люди Соединенных Штатов, как их называют японцы, за два дня до нас ушли отсюда, оставив здесь больных матросов да двух офицеров, а с ними бумагу, в которой уведомляют суда других наций, что они взяли эти острова под свое покровительство против ига японцев, на которых имеют какую-то претензию, и потому просят других не распоряжаться. Они выстроили и сарай для склада каменного угля, и после этого человек Соединенных Штатов, коммодор Перри, отплыл в Японию.